

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора	
ШОРИН Ю. Дороги, которые мы выбираем.....	2
Памятная дата	
МАТЮШИНА В. Недетский возраст главной детской библиотеки	3
Выставки	
МИХАЙЛОВА С. Мир хрупкий и прекрасный	11
1150-летие Смоленска	
ЛЕСЛИ О. Леслевская улица. К истории смоленских улиц и переулков	12
Дороги Смоленщины	
БЕЛОГУРОВА Т. Строительство и дальнейшее функционирование в XIX веке Риги-Орловской железной дороги	19
Просвещение и образование	
ПАВЛОВ Н. Первая в России уездная земская гимназия.....	24
Личность и эпоха	
ГЕРАСИМОВ В. Его именем была названа первая военная авиашкола России.....	27
Православная Смоленщина	
МОНАХИНЯ АНГЕЛИНА (НЕСТЕРОВА). Святой праведный Алексий Южинский (Медведков)	29
Духовная жизнь	
ЛЫЗЛОВА Т. Еврейский театр в Смоленске в 20-30-е годы XX в.	34
Воспоминания	
ЕВТИХОВ А. Кое-что из моей жизни	37
Архив	
АНИКЕЕВ В. Чистка.....	41
Исправленному – верить	
СИДОРОВА Т. Хотелось бы уточнить.....	50
Книжная полка	51

Редакционная коллегия:

Юрий Шорин,
главный редактор

Леонид Степченков,
заместитель главного редактора

Иллюстрации на обложке:

1-я стр. Рославльское депо.
Фото Е. Кутузовой, 2012 г.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

214000, г. Смоленск,
ул. Октябрьской революции,
14-а, ком. 301.
Тел. (4812) 38-61-10
E-mail: kraismol@mail.ru

Отпечатано в ОАО
«Смоленская городская
типография»,
г. Смоленск, ул. М. Жукова, д. 16,
тел.: (4812) 38-28-65, 59-99-07
Печать офсетная.
Усл. печ. лист 6,5
Заказ № Тираж 400 экз.

КОЕ-ЧТО ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Воспоминания старого дорогобужанина

(Продолжение. Начало в №4, 2012 г.)

Артемий ЕВТИХОВ
(1867-1952)

Соборный вал Дорогобужа. Фото 1920-х гг.

Обучение в городском приходском училище (1877-1880 гг.)

Потребность в дальнейшем обучении меня была само собою понятна, поэтому отец определил меня в городское приходское училище с трехлетним курсом обучения. По заведенному в школе порядку, при определении требовалась метрическая выписка о рождении и крещении. Добыть ее у духовенства, не пренебрегавшего корыстолюбием, отцу моему оказалось тогда не по средствам, почему он прибег к следующему вынужденному обходному способу: просто попросил попечителя училища официально затребовать от себя для училища необходимые сведения, что и было им исполнено.

В этом училище грамота преподавалась уже по-граждански, на

своем, так сказать, разговорном наречии, поэтому все легче воспринималось, совершенно другое было влечение к преподаваемому предмету. Да при том и учитель, в класс коего я был помещен, оказался симпатичнейшим, добрейшей души человеком, хорошим наставником, совершенной противоположностью долгополому, со сбившейся на бок коротенькою косичкою дьячку. Эту школу я был всегда доволен, любил ее до страсти и тем более, что в ней окружали меня закадычные друзья-приятели.

Неприятно лишь вспоминать об одном духовнике-воспитателе религиозных идей и о другом, светском учителе – любителях своеобразных наказаний. Первый из них нередко являлся в училище, как ребята выражались, «под мухой» и тогда неистово кричал, ставя в наказание за неотчет на вопрос или

за что-либо другое, по его мнению, преступное учеников на колени иногда даже на верхние части парт, заставляя, подчас, плевать на виновных, забывая в то время свой священнический сан, свое назначение. Второй же, светский, проявлял свою деятельность по части наказания, кроме обычного стояния в углу на коленях, одеванием на головы провинившихся бумажных колпаков с надписями крупными буквами: «осел» и «поросенок».

Во время нахождения моего в этом училище вспыхнула Балканская война, кажись, только из-за ключей от Вифлеемского храма. Отражения она вообще на обучение не произвела. Все шло спокойно, своим обычным путем. Были, как говорили знающие, победы над «бусурманами». Тогда на радостях не раз нам под руководством и наблюдением учителя приходилось путешествовать в сборную церковь на торжественное богослужение по случаю какой-либо из таких побед. Мы радовались, хваля за столь «доблестное дело» своих храбрых защитников родины.

В наш город тогда же были привезены пленные турецкие солдаты, около трех-четырех сот человек. Они размещены были в казармах вблизи нашего училища. Одежда пленных турок состояла из короткой куртки, широченных цветных шаровар и красной шапки с болтающейся на шнура черною кистью. Как сейчас помню их унылые смуглые лица, когда они сидели у стен казармы, греясь на солнце. Некоторые из них, не стеснясь проходящей и глязеющей публики, очищали себя от насекомых. Тоска по родине и притом, надо полагать, боязнь за свою жизнь (может быть, внушенная своими соотечественниками, что-де русские – звери-душегубы), явно подтачивали на первых порах их душевное состояние.

Турки находились под надзором наших солдат, но недолго и, как оказавшиеся спокойными, были освобождены от надзора. Они затем свободно ходили по городу и окрестностям, нанимались на работы по косьбе, плотничанью и прочему. Между ними оказались

также хорошие мастера по плетению красивых, прямо-таки художественной работы, корзин. Наблюдалось, что пленные были большие любители фасоли и лука, каковой продукт они даже приобретали непосредственно от хозяев-производителей (очевидно, на базаре был недостаток этих продуктов), ходя для этой цели по домам. Хлеб для себя турки пекли сами, причем я видел через окно, как один из хлебопеков-турок вымешивал ржаное тесто в большой деже-кадке просто босыми ногами, а не руками, как это обыкновенно у нас делается.

При разговоре с нашими россиянами турки произносили свои непонятные слова, поясняя их обычными жестами, но одного из них я слышал, говорящего по-русски. Он указывал прохожим на неподобающее поведение нескольких уличных мальчиков, шедших за ним вслед и что-то говоривших ему обидное. Это был, как вследствие оказалось, турецкий офицер.

Климат или неподходящие условия жизни, упавший дух или что-либо другое неблагоприятно отразились на пленных, почему немало из них оставили свои кости на дорогобужской земле. Когда стало известно о заключении между воюющими сторонами мира, какая радость наблюдалась между оставшимися пленными и тем более, когда они узнали о полученном разрешении на отправку их домой, где они проводили свое золотое детство, молодость, тешась в кругу своих близких, под лучами вечно благодатного южного солнца,

Впоследствии, лет через двенадцать, когда я был уже призван на военную службу и находился в распоряжении дорогобужского уездного воинского начальника, мне пришлось видеть в архиве и читать списки названных пленников, в каковых списках я интересовался странными мусульманскими именами и фамилиями, не слышанными мною до того времени в русской речи. Весь письменный материал о пленных сохранялся в то время в полном порядке и особой бережливости в сухом помещении нижнего этажа дома.

Вид на центральную часть Дорогобужа с правобережья Днепра. Крайнее справа – двухэтажное здание Дорогобужского городского училища. Почтовая открытка, 1912 г.

Год за годом прошли в этом училище, и я с успехом окончил таковое, получив надлежащее свидетельство.

Обучение в городском училище (1881-1883 гг.)

Желая продолжить обучение я, по совету своего учителя, был определен отцом в трехклассное городское училище (с шестилетним курсом). Согласно подготовке, меня посадили во II класс, V отделение. Это учебное заведение считалось тогда в уезде одним из наиважнейших. Да и само помещение (двухэтажное просторное здание) и оборудование указывали на что-то более солидное в сравнении с другими школами. В нем обучались многие сынки купцов, мелких помещиков и других зажиточных лиц. Часто приходилось слышать слова похвалы и зависти об окончивших это «высшее», как некоторые определяли, учебное заведение, ибо оно давало большой процент хорошо подготовленной молодежи,

Обучение в этом училище было уже более разнообразное, то есть проходило больше предметов, чем в предыдущей названной школе. Все было интересно знать, что и как на свете творится, что имеется под землей, в воздухе, в воде и т.д.

С каким любопытством, бывало, рассматриваешь в натуре лепестки какого-либо цветочка, колосья хлеба, другие растения; наблюдаешь за производящимися опытами и прочее; слушал в то же время объяснения учителя, говорящего ясно, понятным для ума словом! Какой разительный контраст получается в сравнении с дьячковским обучением! И не даром тогда многие лица считали это училище «высшим», образцовым.

При училище находились слесарная и столярная мастерские. Учащиеся, желающие физически работать, избирали себе любое ремесло и в известный час занимались им, набираясь опыта на случай надобности в последующей своей жизни. Я работал по слесарной части. За короткое время ознакомился с пайкой оловом, медью, с изготовлением замочных ключей, дверных завес и с другою мелкою начальною работою. Принуждений к работе не было. Все делалось добровольно, исподволь, не спеша, под руководством и наблюдением мастера-наставника.

Для учащихся мастерству, как я уже упомянул, было полезно в будущем, да и мастерам отчасти прибыльно, так как последние имели кое-какие сторонние заказы, которые отчасти и выполнялись безвозмездно любителями-учениками.

Словом, все было прекраснейшим образом обставлено, и дело шло хорошо.

Но, однако, не обходилось в школьной жизни и без проказ со стороны некоторых учеников с более беспокойным темпераментом, выдающихся своею шустростью. За незнание, например, уроков либо за какие-либо проступки и промахи виновные оставлялись после уроков в училище под замком без обеда на два-три или более часа. Такие «безобедники» обыкновенно группировались на втором этаже, дабы они не улизили через окна домой. Чтобы на самом деле не быть без обеда, был придуман следующий способ. Перед уходом из училища провинившиеся «безобедники» снабжают деньгами своих уходящих домой товарищей. Последние покупают на базаре закуски, которые, при посредстве спущенной бичевы, благополучно доставлялись вверх голодающим «безобедникам». Это одно.

Второе: одного из учителей, весьма спокойного, невозмутимого характера, обзывали козлом, воспринимая, спрятавшись где-либо, звук настоящего животного, ударяя для этого себя пальцем по горлу. На эти выходки учитель никогда не обращал внимания и как бы ничего не слышал, перенося в душе такое бессознательное оскорбление со стороны склонной к хулиганству молодежи.

Для перехода в следующие отделения и классы производились экзамены группой учителей в присутствии некоторых «приезжих», как у нас говорили. Робковато было стоять лицом к лицам, с устремленными на тебя глазами иногда, как казалось, гневно-сердитыми, пожирающими. Сердце учащенно билось. Все только и думалось, как бы кто тебя не «срезал», не «провалил». И вот, чтобы такого провала в действительности не было, некоторым из учащихся, не совсем уверенным в своих познаниях, приходилось заблаговременно, до наступления экзаменов, ходить к учителю на вечерние уроки за особое ему вознаграждение. Это давало хотя некоторую гарантию

на перевод, ибо, волей-неволей, во время вечерних уроков повторялось ранее изученное и, следовательно, более запечатлевалось в памяти, причем считалось и некоторого рода «заручкою» со стороны репетитора, входившего в состав педагогического совета.

Последнее училище мне, к сожалению, не удалось окончить. В то время умерла моя старшая сестра, затем мать. Сразу почувствовалось расстройство в семье, разорение и так весьма плохого хозяйства, непреодолимая нужда, и потому отец, по его заявлению, взял меня домой как необходимого в подспорье работника.

Таким вот образом пришлось кое-как да кое-что пройти, затем дальнейшее школьное обучение прекратить и прибегнуть, по мере своих сил, к самообразованию, к самоусовершенствованию.

Послешкольный период (1884-1887 гг.)

Как я уже выше упомянул, отец мой находился в большой материальной нужде после постигшего его несчастья. Он имел маленькое хозяйство и занимался огородничеством. Предоставленной городским общественным управлением земли было мало. Приходилось арендовать ее у частных лиц, уплачивая

непомерно высокую цену. В поисках хлеба затрачивалось все дорогое время молодости. Я возделывал землю, садил деревья, собирал урожай; сбывал на базаре разные заготовленные продукты; изготовлял для продажи ореховую мебель, подставки для комнатных цветов, шерстяные рукавицы («вязанки», как их у нас называли); сооружал надворные строения, производил их ремонт, возил дрова из лесу, добывал камни и мостил двор, так как грязь терпеть не мог и прочее, и прочее.

Все это дело было необходимое, неотложное, как говорится, насущное, наиглавнейшее в жизни. Некогда поэтому было заняться изучением общепользных книг. Только урывками иногда удавалось кое с чем ознакомиться, и тогда я с жадностью набрасывался на попавшуюся под руки книгу. Путешествуя же иногда, бывало, по деревням, по поручению отца (у него было много знакомых крестьян), мне приходилось делать в них ночевки. Усевшись по приглашению хозяйки за стол, первым долгом моим было осведомиться, какая в доме имеется литература для прочтения на досуге. Любопытство мое, конечно, всегда удовлетворялось, и я начинал читать, по большей части, вслух (так обычно любили и просили хозяева). Каких только печатных произведений не встре-

Екатерининский собор в Дорогобуже. Фото начала XX века.

чалось: весьма новых и слишком устаревших, вековых, бережно охраняемых владельцами. Попадалось много так называемых «печерских», в массивных, чисто кожаных переплетках с медными застежками. Но, в общем, все это далеко меня не удовлетворяло. Кроме всей этой разнообразной по содержанию и духу литературы, многое требовалось, страстно желалось что-то большее знать, но увы, не за что было добыть и необходимым воспользоваться, за исключением лишь небольшого количества книг, случайно мне переуступленных одним из друзей детства, из каковых книг мне удалось кое-что почерпнуть.

Поэтому вот при каких неблагоприятных обстоятельствах и ограничилось «дополнение» моих познаний со времени оставления школьной скамьи и до призыва меня на военную службу. Очень жаль было потерянного времени, в которое не удалось при всем моем страстном желании достигнуть намеченной цели.

Военная служба (1886-1892 гг.)

В 1888 году, осенью, я был призван на военную службу, на общем основании, как излишний сын у отца. Это было в городе Дорогобуже Смоленской губернии, в месте моего рождения. Не буду описывать известную уже старую картину приема новобранцев, с заунывными причитаниями, как по покойникам, рыданиями матерей по своим «сыночкам», скажу только, что настроение тогда у меня было ничуть не угнетенное, а, наоборот, какое-то переменное, большей частью, приподнятое, как бы что-то предчувствовавшее лучшее в будущем. Постоянная нужда в доме, не дававшая возможности осуществлять наискреннейшее желание, естественно, заставляла как бы даже тешиться такую резко переменою в жизни, надеяться, что вот, мол, когда, возможно, настанет лучший период; что я буду, наконец, иметь возможность дополнять свои познания.

Московская улица в Дорогобуже. Почтовая открытка, 1912 г.

После приема меня воинским присутствием в число новобранцев, я был отпущен домой недели на две, для подготовки к отъезду по назначению. По истечении этого срока я явился к воинскому начальнику. После переключки всех явившихся была произведена запись с указанием, кто и какое знает ремесло, чем занимался вообще, женат-ли и т. д. Затем из всех новобранцев были выбраны более грамотные, годные на писарские должности, каковых оказалось человек шесть, в том числе и я. Мы были после такой сортировки назначены в Смоленский писарский класс учениками для изучения канцелярского делопроизводства. Думалось: все-таки лучше будет, нежели в строю. Многие из новобранцев такому нашему назначению завидовали, прося хлопотать пред начальником о предоставлении им такой же канцелярской службы.

Запасшись бельем, разными необходимыми мелкими вещами, закусками, мы отправились по назначению в Смоленск, сопровождаемые родными и знакомыми. Нас везли специально нанятые для сего ящики, занимавшие подвозом пассажиров «от» и «до» станции. В дороге не обошлось без происшествия: ящики, перегоня друг друга, будучи навеселе после небольшой выпивки «горькой», перевернули с разгона на кособоре

один из экипажей вверх колесами, чем был причинен незначительный вывих руки одному из наших учеников. По оказании домашними средствами кое-какой помощи пострадавшему, мы поехали далее и, наконец, благополучно прибыли на станцию Александровскую (ныне Дорогобуж) для дальнейшего отъезда по железной дороге в Смоленск. Рассчитавшись с возницами, уселись в предназначенный нам вагон пассажирского поезда и отправились по «чугунке».

Это была моя первая поездка на поезде, который приходилось видеть раньше только на рисунках да знать по рассказам очевидцев, испытавших удовольствие переноситься с одного места в другое раз в десять быстрее лошади. Я восхищался удобным устройством вагона и быстротою движения поезда. Глядя через окно вагона-домика, я любовался как бы кажущимися бегущими по сторонам железнодорожной линии деревьями, полями, приземистыми деревушками со своими вечно соломенными крышами, красивыми усадьбами. Не успел я хорошенько наглядеться всех этих разнообразных картин. Незаметно протекло положенное по расписанию время для прохода поезда (часа четыре) и таковой очутился на станции своего назначения – Смоленске.

Продолжение следует.